

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А. Тейлор

Суд над Иисусом Христом

Опубликовано:

Христианское чтение. 1878. № 9-10. С. 285-313.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Судъ надъ Іисусомъ Христомъ ¹⁾.

(статья 1-я).

Мы слишкомъ рѣдко вспоминаемъ, что средоточное событіе въ исторіи человѣчества имѣло видъ судебного процесса. Громадное вліяніе жизни и лица Іисуса Назарянина на исторію допускается всѣми. А Его крестная смерть, которую христіане всѣхъ временъ признавали важнѣйшимъ дѣломъ Его служенія, стала исходною точкой новой исторіи. Его гробъ, по выраженію одного поэта, былъ могилой древняго міра и колыбелью новаго. Но это вѣчно памятное событіе было исполненіемъ уголовного приговора, послѣдовавшаго за двумя судебными слѣдствіями, изъ которыхъ одно производилось согласно съ еврейскимъ, другое согласно съ римскимъ закономъ.

Съ судебной точки зрѣнія, какъ и съ нѣкоторыхъ другихъ, судопроизводство надъ Іисусомъ Христомъ необыкновенный, можетъ быть даже единственный въ своемъ родѣ фактъ. Много судебныхъ трагедій сохранила исторія. Уголовные процессы, въ родѣ процессовъ Сократа, Карла короля англійскаго, и Маріи шотландской всегда съ чарующею силой привлекали къ себѣ вниманіе людей. Но судъ надъ Христомъ болѣе чѣмъ какой либо изъ перечисленныхъ, или даже всѣ они вмѣстѣ, произвелъ впечатлѣнія на міръ и привлекъ его вниманіе. Наша задача здѣсь показать, что помимо

¹⁾ Настоящая статья представляетъ извлеченіе (съ значительными сокращеніями и съ незначительными добавленіями) изъ статьи англійскаго автора (Тэйлора Айнса—Jnnes-a), напечатанной въ журналѣ «Contemporary Review».

своего всемірно-историческаго значенія онъ имѣеть еще чисто юридическій интересъ, которымъ не обладаетъ ни одинъ изъ упомянутыхъ процессовъ. По общему убѣжденію законовѣдovъ, самое важное мѣсто между всѣми юриспруденціями занимаетъ юриспруденція древняго Рима, а самая своеобразная изъ нихъ, въ глазахъ же христіанскаго міра высоко уважаемая, была юриспруденція іудейскаго государства. Понятно, что если эти двѣ славныя и рѣшительно различныя системы встрѣчаются между собою, то изслѣдованіе такого дѣла съ юридической точки зрѣнія необходимо представить великій интересъ. А если эти двѣ системы встрѣчаются одна съ другой въ событіи наиболѣе поразительномъ и обильномъ послѣдствіями, то изслѣдованіе ихъ совмѣстнаго приложенія становится весьма важнымъ. Оно становится самою интересною задачей, какую только можетъ представить исторія юриспруденціи.

Сразу возникаетъ множество вопросовъ, а именно: два судопроизводства тутъ было, или одно? Было-ли второе судопроизводство простымъ обзорѣніемъ перваго, или же первое было только предварительнымъ въ отношеніи ко второму? Были-ли соблюдены формы: въ одномъ случаѣ еврейскаго, а въ другомъ — римскаго закона, и хотѣли-ль соблюсти ихъ? Пытались-ли въ томъ и другомъ случаѣ, съ соблюденіемъ или безъ соблюденія формъ, достигнуть правосудія по существу дѣла? Затѣмъ, одни-ли и тѣже обвиненія выставлялись предъ еврейскимъ и римскимъ судилищами? За какую вину умеръ Обвиненный? Было-ли рѣшеніе въ обоихъ случаяхъ справедливо по формѣ, т. е. достигнуто-ли оно путемъ, согласнымъ съ еврейскими и римскими правилами судопроизводства? Было-ли оно справедливо по существу, т. е. согласно съ тогдашними еврейскими или римскими законами?

Эти юридическіе вопросы возникаютъ сами собою при внимательномъ чтеніи исторіи событія. Мы рассмотримъ особо каждое изъ двухъ судопроизводствъ въ ихъ примѣненіи къ великому событію.

I. Еврейское судопроизводство.

Всѣ знаютъ, что еврейское общество и управлявшія имъ учрежденія были проникнуты глубокимъ чувствомъ правды и закона. Но не всѣ знаютъ, до какихъ размѣровъ развилось въ позднѣйшей исторіи еврейскаго народа это чувство, выразившееся въ основномъ правилѣ: „не дѣлай неправды на судѣ“. Въ болѣе древней части еврейскихъ „отеческихъ преданій“ мы читаемъ: „если судья произноситъ рѣшеніе несогласно съ истиною, то онъ удаляетъ величіе Божіе отъ Израиля. Но если онъ судитъ согласно съ истиною, хотя бы только въ теченіи одного часа, то онъ какъ бы укрѣпляетъ весь міръ, ибо въ судѣ именно и выражается божественное присутствіе въ Израилѣ“. Извѣстно, что вся обширная еврейская литература, которую мы называемъ талмудомъ, есть, выражаясь кратко, „*Socrus Juris*—энциклопедія всего закона“, о которой лучше всего можно судить по сравненію съ другими кодексами законовъ, въ частности съ римскимъ кодексомъ и комментаріями на оный. Талмудъ содержитъ много другихъ предметовъ, но это—его основа. И—что для насъ особенно важно—эта основа составляетъ древнѣйшую часть Талмуда. Весь талмудъ состоитъ изъ сорока томовъ *in folio*—изъ массы разсужденій, примѣровъ и комментаріевъ. Средоточная часть его, содержащаяся въ 12 томахъ, называется Мишною. А содержаніе почти всей Мишны составляетъ законъ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, Мишна передавалась издревле какъ второй или устный законъ—*деутеропис* т. е. подробный, основанный на преданіи комментарий моисеева закона, и, заявляя ему полное подчиненіе, на практикѣ вытѣсняла его, какъ кодексъ ²⁾. Между тѣмъ

¹⁾ Цитаты въ этой статьѣ дѣлаются по Суренгузіеву изданію Мишны (Амстердамъ, 1672), и въ особенности—изъ главы или трактата «*De Synedriis*»; латинскій переводъ издателя только въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ свѣрять съ оригиналомъ.

²⁾ Мишна (*De Synedriis*, X, 3) излагаетъ общее правило: «*gravius peccatur circa verba scribarum, quam verba legis*» (грѣхъ противъ словъ толкователей тяжелѣе грѣха противъ словъ закона). Или, въ перифразѣ новѣйшаго перевод-

какъ другія части талмудическаго комментарія не существовали цѣлыя столѣтія по введеніи христіанства, Мишна, или центральная ея часть, какъ вообще допускаютъ, собрана рабби Гудой около 200 года по Р. Х. Но она была собрана въ качествѣ устнаго закона, употребленіе и авторитетъ котораго начали возрастать съ самаго возвращенія народа изъ Вавилона, въ качествѣ „краткаго извлеченія изъ законодательной производительности“, продолжавшейся около восьми сотъ лѣтъ. Поэтому позднѣйшіе еврейскіе писатели, не колеблясь, ссылаются на нее, какъ на сводъ, заключающій въ себѣ уголовные законы, несомнѣнно существовавшіе во время первосвященствованія Анны и Каиафы. Естественно, этого нельзя доказать относительно всѣхъ частей книги, которыя записывались въ теченіи двухъ столѣтій. Но мы имѣемъ доказательства, что развитіе мишны въ этомъ частномъ направленіи происходило особенно рано и сильно. Самый ранній періодъ ея совпадалъ со временемъ „мужей великой синагоги“, простиравшимся отъ возвращенія изъ плѣна приблизительно до 220 предъ Р. Х. Ихъ дѣятельность выражена въ руководящемъ афоризмѣ: „будь остороженъ и медленъ въ судѣ, приготовляй какъ можно болѣе учениковъ и сдѣлай изъ нихъ ограду вокругъ закона“¹⁾. А за этимъ вѣкомъ, внушавшимъ осторожность въ судебной дѣятельности, слѣдовали такъ называемый „вѣкъ синедріона“, который въ теченіе слѣдующихъ четырехъ сотъ лѣтъ разработалъ принципъ осторожности до мельчайшихъ подробностей.

Ничто въ Мишнѣ не выражено такъ ясно, какъ противоположность, признававшаяся въ то древнее время между судомъ производствомъ гражданскимъ и уголовнымъ—между судомъ объ „имущество“ и судомъ о „жизни“. Даже въ отношеніи къ первому су-

чика-энтузіаста: «кто учитъ противъ пятокнижія, не осуждается на смерть, потому что всѣ люди знаютъ Библію, но кто учитъ противъ учителей, тотъ осуждается». *Раббиновичъ, Legislation Criminelle du Talmud. Paris.*

¹⁾ Мишна, *Capita Patrum*, i. 1. Тоже преимущество отдавалось закону и въ главномъ изрѣченіи ихъ великаго представителя, Симона Праведнаго: «на трехъ вещахъ стоятъ міръ—на законъ, богопочитаніи и милости». *Cap. Patrum*, i, 2.

допроизводству ихъ правила поражаютъ современный юридическій умъ своею склонностью къ педантической осторожности. Что же касается до преступленій уголовныхъ, а особенно наказывавшихся смертію, то несомнѣнно, что еще задолго до времени Иисуса высокая важность, которую имѣла въ глазахъ закона жизнь еврейскаго гражданина, повела къ чрезвычайнымъ предосторожностямъ. Такъ называемыя четыре великія правила еврейской уголовной юриспруденціи: — „точность въ обвиненіи, гласность въ разбирательствѣ, полная свобода для подсудимаго и обезпеченіе противъ всѣхъ опасностей или ошибокъ свѣдѣтелей“¹⁾ — уже въ Мишнѣ распадаются на подробныя и точныя правила, почти явно клонящіяся во всѣхъ пунктахъ въ пользу обвиняемаго и всего болѣе имѣвша силы при разборѣ дѣла, угрожавшаго смертною казнью. Дѣйствительно, предосторожности доходятъ здѣсь до того, что нынѣшніе евреи склонны представлять смертную казнь противною самому духу еврейской юриспруденціи. Въ „устномъ законѣ“ мы читаемъ изрѣченіе Елеазара, сына Азаріа: „синадріонъ, осуждающій разъ въ семь лѣтъ человѣка на смерть, есть бойня“²⁾. Еще болѣе изумительнымъ (если мы вспомнимъ страхъ евреевъ предъ веѣмъ человекообразнымъ въ рѣчахъ о божественномъ Существовѣ) покажется слѣдующее страшное изрѣченіе рабби Мейра: „что думаетъ Богъ (если можно человекообразно говорить о Богѣ), когда злодѣй терпитъ должную муку за свое преступленіе? Онъ говоритъ: *Моя голова и Мои члены страждутъ*. А если Онъ такъ говоритъ о страданіяхъ виновнаго, то что долженъ Онъ сказать, когда осуждается невинный?“³⁾. И такимъ образомъ, чтобы спасти неповинную кровь, оградить и защитить священное право на жизнь, еврейское законодательство изобиловало правилами предосторожности, которыя какъ бастіоны защищали обвиняемаго, такъ что ложное обвиненіе дѣлалось почти невозможнымъ.

1) Salvador, Jnst. de Moïse, i, 365.

2) Мишна, трактатъ Makhoth.

3) Мишна, De Synedriis VI, 5.

Вопроса о томъ, велось ли еврейское слѣдствие надъ Іисусомъ Христомъ по правиламъ собственно еврейскаго закона, кажется, не исчерпалъ ни одинъ писатель, хотя многіе затрогивали его. Самое знаменитое изслѣдованіе о немъ принадлежитъ ученому испанскому еврею М. Сальвадору, который въ 1822 г., въ 1 изданіи труда (съ тѣхъ поръ еще два раза изданнаго, подъ заглавіемъ: „Histoire des Institutions de Moïse“) ¹⁾, далъ двѣ превосходныхъ главы объ уголовныхъ законахъ позднѣйшихъ евреевъ и объ отправленіи правосудія у нихъ, къ которымъ потомъ присоединилъ разсужденіе о томъ, что *судъ надъ Іисусомъ* былъ совершенъ законно. Онъ принималъ факты, какъ они представлены въ евангеліяхъ, а свои выводы основывалъ на законѣ, какъ онъ изложенъ въ Мишнѣ; на основаніи этихъ источниковъ онъ признавалъ возможнымъ доказать, что хотя приговоръ вышелъ несчастный, если Іисусъ былъ дѣйствительно Мессія, однако ходъ процесса и полученный результатъ были одинаково неизбѣжны, если только судилище держалось своего собственнаго закона. Сальвадору отвѣчалъ въ блестящемъ трактатѣ знаменитый французскій адвокатъ Дюпень старшій, и американскій ученый Гринлифъ (Graenleaf). Оба противника Сальвадора настаивали главнымъ образомъ на томъ, что судопроизводство надъ І. Христомъ было несправедливо не столько по формѣ, сколько по существу. Мы намѣрены разобрать этотъ вопросъ снова, обратившись непосредственно къ источникамъ.

Въ мѣсяцъ мартъ въ ночь на пятницу, послѣднюю предъ праздникомъ пасхи, произошло *взятіе подъ стражу* — первый шагъ въ болѣе части нашихъ современныхъ слѣдствій. Возникаетъ вопросъ, законно ли было это взятіе подъ стражу? Нѣтъ основанія сомнѣваться, что оно произведено властію жервосвященника; о присоединеніи же римской *спиры* къ служителямъ храма, должно быть, позаботилась таже еврейская власть, и такимъ образомъ оно на первый взглядъ имѣетъ видъ законности. Но взятіе подъ

¹⁾ Здѣсь цитуются 3-е изданіе, въ 2-хъ томахъ (Michel Lévy Frères, Paris).

стражу прежде слѣдствія было ли законно по еврейскому закону? Кажется нѣтъ, если только не имѣли основаній опасаться сопротивленія или бѣгства. Въ настоящемъ случаѣ намѣренія убѣждать не было, но сопротивленія хотя и неумышленного могли ожидать. Такимъ образомъ вопросъ о законности взятія подъ стражу Иисуса Христа превращается теперь въ вопросъ: не было ли это взятіе началомъ судебного слѣдствія? Если такъ, то дальнѣйшій ходъ дѣла долженъ бы быть по закону такой же, какой мы замѣчаемъ при взятіи, нѣсколько времени спустя, подъ стражу Петра и Іоанна: взявшіе „стдали ихъ подъ стражу до утра, ибо уже былъ вечеръ“ (Дѣян. IV, 3). Съ Иисусомъ Христомъ поступили совсѣмъ иначе.

За взятіемъ подъ стражу слѣдовалъ ночной допросъ. Вооруженный конвой привелъ Иисуса сперва къ Аннѣ (Іоан. XVIII, 13), самому вліятельному члену синадріона. Въ этомъ собраніи засѣдало не менѣе пяти его сыновей, изъ которыхъ одни уже пользовались, а другіе должны были въ теченіи нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ пользоваться достоинствомъ первосвященника. Старикъ Анна предъ этимъ двадцать лѣтъ отправлялъ эту высокую должность и, быть можетъ, въ отсутствіе римскаго правителя ¹⁾ простеръ свою власть (какъ въ послѣдствіи его сынъ) до того, что сталъ произносить смертные приговоры. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что прокураторъ въ негодованіи на самовластіе Анны настоялъ на удаленіи его отъ должности; впрочемъ Анна, хотя уступилъ формально, но продолжалъ пользоваться своимъ вліяніемъ на великій совѣтъ, чрезъ младшихъ членовъ своего семейства ²⁾. Теперь предсѣдательское мѣсто занималъ его энергическій зять Каіафа, хотя престарѣлый глава дома оставался въ мнѣніи правовѣрныхъ іудеевъ первосвященникомъ *de jure iudaico*. Связаннаго Иисуса Христа Анна послалъ

¹⁾ Валерія Грата, предшественника Пилата. См. Iosephus Antiq. XVIII, 2, 1 и XX, 9, 1.

²⁾ «Какъ мухи на рану», сказалъ импер. Тиверій о тѣй быстротѣ, съ которою въ его царствованіе смѣняли въ Іерусалимѣ другъ друга первосвященники.

къ Каиафѣ, можетъ быть только въ другое отдѣленіе архіерейскаго дворца. Предъ тѣмъ или другимъ (это все-равно) изъ этихъ прелатовъ Обвиняемый, несомнѣнно, былъ подвергнутъ предварительному допросу прежде, чѣмъ были призваны свидѣтели. Крайне трудно рѣшить, Анной или Каиафой былъ произведенъ этотъ первосвященническій допросъ ¹⁾, записанный у одного Іоанна. Впрочемъ это совершенно безразлично для нашей задачи. ²⁾ Главное здѣсь то, что если допросъ, подробно записанный Іоанномъ, происходилъ у Анны, то онъ былъ отдѣленъ и мѣстомъ и временемъ отъ послѣдующаго разбирательства у Каиафы. Въ такомъ случаѣ болѣе вѣроятно, что допросъ свидѣтелей и осужденіе, происходившіе предъ младшимъ титулярнымъ первосвященникомъ, происходили нѣсколько позже или ночью или даже уже подъ утро, и имѣли форму и порядокъ правильнаго гласнаго разбирательства. Съ другой стороны, если Анна безъ разбора дѣла отослала Узника къ Каиафѣ, и если допросъ, записанный въ евангеліяхъ, производился послѣднимъ, то за этимъ допросомъ непосредственно могли послѣдовать представленіе свидѣтелей, заклинаніе (Мѡ. XXVI, 63) и осужденіе; и въ такомъ случаѣ вѣроятно, что за всѣми этими событіями послѣдовалъ значительный промежутокъ времени, прежде чѣмъ на формальномъ или открытомъ утреннемъ засѣданіи совѣта было утверждено неформальное ночное осужденіе. Но главный пунктъ относительно первосвященническаго допроса не зависитъ отъ рѣшенія вопроса, кто производилъ допросъ. Во всякомъ случаѣ допросъ былъ совершенно незаконенъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ—напр. во Франціи и Шотландіи и въ Россіи—обвиняемаго приводятъ къ судебному слѣдователю и подвергаютъ официальнымъ допросамъ, прежде чѣмъ предадутъ публичному суду. Въ другихъ странахъ, и между прочимъ у евреевъ, дѣло ведется не такъ. Здѣсь обви-

¹⁾ Это зависитъ отчасти отъ того, что значить слово ἀπέστειλεν у Іоан. XVIII, 24: «послалъ» или «посылалъ».

²⁾ Дюпенъ утверждаетъ, что Анна не была членомъ суда и что его вмѣшательство, несомнѣнно, только увеличило неправильность допроса обвиняемаго.

няемый освобождался отъ всякаго такого личнаго допроса, пока его не представляютъ для разбора дѣла предъ собраніе его братій ¹⁾. Это правило о публичности допроса, кажется, вытекло изъ еврейскихъ основоположеній относительно какъ судей, такъ и свидѣтелей. „Не будь одинъ судьей“, гласитъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ афоризмовъ, „ибо пѣтъ одного судьи, кромѣ Единаго“ ²⁾. Еще яснѣе не только изъ Мишна, но и изъ пятокнижія видно, что одинъ свидѣтель не имѣлъ значенія и что „два или три свидѣтеля“, на показаніяхъ которыхъ должно основываться всякое дѣло, должны давать свои показанія публично ³⁾. Ихъ показанія составляли основу всякаго судебного разбирательства, и пока они публично не были даны противъ какого-нибудь человѣка, онъ считался предъ судомъ закона не только невиннымъ, но и не обвиняемымъ. Этимъ принципомъ вполнѣ объясняются отвѣты Иисуса Назарянина на полночные вопросы первосвященника: церковный сановникъ, вѣроятно въ частномъ засѣданіи и несомнѣнно прежде чѣмъ были призваны свидѣтели, спросилъ *Иисуса объ ученикахъ Его и объ ученіи Его.*

Иисусъ отвѣчалъ ему: Я говорилъ явно міру; Я всегда училъ въ синагогѣ и въ храмѣ, гдѣ всегда іудеи сходятся, и тайно не говорилъ ничего ⁴⁾. Что спрашиваешь Меня? спроси слы-

¹⁾ Принципъ, постоянно проводимый въ еврейскихъ писаніяхъ, требуетъ двухъ условій: гласности и свободы. Здѣсь не подвергали обвиненнаго тайнымъ допросамъ, при которыхъ и невинный могъ въ смятеніи дать смертельныя орудія противъ себя. Salvador's. Inst. i, 366.

²⁾ Мишна, Pirke Avoth, IV, 8.

³⁾ Второз. XIX, 15—18.

⁴⁾ Эти слова напоминаютъ очень любопытную мѣру, предписываемую Мишною относительно Mesith, или частнаго «совратителя», т. е. laicus seducens laicum» (De Synedriis, XII, 10)—выраженіе, переведенное въ евангеліи словами: *развращаетъ народы* (Лук. XXIII, 2). Въ дѣлѣ такого человѣка, который частнымъ образомъ говорилъ: «пойдемъ вслѣдъ другихъ боговъ», отмѣнялось правило—не ставить занадни обвиненному. Лицо совращаемое могло притвориться, будто соглашается съ совратителемъ и такимъ образомъ дать спританнымъ свидѣтелямъ возможность подслушать Mesith'a и свидѣтельствовать противъ него.

шавшихъ, что Я говорилъ имъ; вотъ, они знаютъ, что Я говорилъ (Іоан. XVІІІ, 19. 20. 21).

Здѣсь въ каждомъ словѣ слышатся отзвуки настоящаго еврейскаго правосудія, основывавшагося на весьма широкихъ началахъ. Христосъ напоминаетъ несправедливому судѣ о первомъ долгѣ его великаго служенія. Но, (какъ замѣтилъ древній еврейскій писатель, изучавшій этотъ народъ въ древнія времена) „когда незнатный человекъ возвышается, злые обступаютъ его со всѣхъ сторонъ“. Когда обвиняемый такимъ образомъ заявилъ свои права, *одинъ изъ слугителей* (этотъ классъ людей обыкновенно отличается особенною ревностію къ соблюденію формы, и только одной формы) „ударилъ Іисуса по щекѣ, сказавъ: такъ отвѣчаешь ты первосвященнику?“ (Іоан. XVІІІ, 22). Отвѣтъ Іисуса поразителенъ. Въ немъ Онъ опять рѣшительно становится на почву юридическихъ правъ еврея, — почву, съ которой Онъ послѣ, безъ сомнѣнія, поднялся на высшую, но которой Онъ однако никогда совершенно не оставлялъ: „если Я сказалъ худо, покажи, что худо, а если хорошо, что ты бьешь Меня“ (Іоан. XVІІІ, 23)?

Эти слова, безъ сомнѣнія, выражаютъ требованіе свободы слова и свободы для обвиняемаго. Но они опять опираются на то начало еврейскаго закона, по которому *свидѣтели* брали на себя всю тяжесть отвѣтственности и самый починъ всякаго обвиненія, и даже обязаны были являться по окончаніи дѣла и изъ собственныхъ рукъ побивать камнями обвиненнаго. И повторенный протестъ достигъ своей цѣли. Потому что теперь выступили, или, точнѣе, были приглашены свидѣтели представить свои свидѣтельства. Когда они явились и не раньше, тогда только по еврейскимъ законамъ начался настоящій формальный судъ.

Все это или большая часть этого происходило ночью ¹⁾. Но законно ли было ночное засѣданіе суда?

¹⁾ Что касается вопроса о томъ, когда это происходило, то четыре евангелиста сообщаютъ свѣдѣнія не совсѣмъ ясныя и опредѣленныя. Матеемъ и Маркомъ, опускаая частный допросъ, о которомъ мы уже говорили, раз-

По всѣмъ уложеніямъ еврейскаго закона, отправленіе суда ночью было безусловно незаконно и недѣйствительно, въ какой бы формѣ оно ни было ведено. Въ одномъ мѣстѣ Мишна ¹⁾ изложено

дѣльно говорить о двукратномъ слѣдствіи ночью: однимъ, когда выслушивались свидѣтельскія показанія, и другимъ, когда сдѣлана была попытка получить при званіе обвиняемаго; но и то и другое происходило въ присутствіи первосвященника, книжниковъ и старѣйшинъ, къ которымъ Маркъ прибавляетъ *всѣхъ первосвященниковъ* (XIV, 53). Ихъ повѣствованія даютъ поводъ предполагать, что первая часть этого слѣдствія была произведена почти тотчасъ же послѣ того, какъ Узникъ былъ приведенъ съ Елеонской горы. Во всякомъ случаѣ, по ихъ повѣствованію, она происходила ночью, тогда какъ утромъ слѣдовало второе и особое «совѣщаніе» подобнаго же, но, повидимому, болѣе многочисленнаго и авторитетнаго собранія. Биней (въ сочиненіи: *De Morte Christi*) полагаетъ, что вторичное разбирательство происходило утромъ. Но взглядъ (недавно повторенный докторомъ Фарраромъ), будто Лука повѣствуетъ о событіи, отличномъ отъ того, о которомъ, почти тѣми же самыми словами повѣствуютъ первые два евангелиста, едва ли можетъ быть принятъ. Съ другой стороны, Іоаннъ повѣствуетъ о допросѣ у первосвященника, пересылкѣ отъ Анны къ Каіафѣ и передачѣ утромъ Пилату, но не намекаетъ ни на какой разборъ дѣла въ совѣтѣ. Эти два изложенія дѣла, хотя и непротиворѣчатъ одно другому, но кажутся на первый взглядъ взаимно несовмѣстимыми; повѣствованіе Луки помогаетъ намъ разрѣшить эту трудность. Онъ опускаетъ первую часть упомянутаго слѣдствія—допросъ свидѣтелей, но повѣствуетъ о признаніи и осужденіи, происшедшихъ въ томъ засѣданіи совѣта, которое происходило, *какъ насталъ день* (Лук. XXII, 66) и послѣ котораго *поднялось все множество ихъ и повели Его къ Пилату* (Лук. XXIII, 1). Сопоставляя всѣ эти изложенія дѣла, намъ не трудно будетъ установить историческій порядокъ событій. Обвиняемый былъ сперва приведенъ къ Аннѣ, а отъ него пересланъ къ Каіафѣ, и допрошенъ которымъ либо изъ этихъ первосвященниковъ. Около этого ранняго часа, навѣрно, произошло отреченіе Петра, о которомъ повѣствуютъ всѣ евангелисты.—Что совѣтъ въ полномъ составѣ не засѣдалъ ночью,—это несомнѣнно: что и въ которое число его членовъ присутствовало ночью у Каіафы, равнымъ образомъ ясно. Если предположить, что окончательное формальное засѣданіе совѣта происходило въ его обычное утреннее время, то вполнѣ возможно, что поразительная сцена закланія, признанія и приговора произошла предъ нимъ. Но съ свидѣтельствами болѣе согласно допустить, что она произошла раньше, когда уже собралось значительное число членовъ совершенно достаточное для того, чтобы къ нему могло быть, въ нестрогомъ смыслѣ, приложено названіе совѣта. И, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что болѣе раннія событія, приглашеніе и допросъ свидѣтелей и обсужденіе ихъ показаній—должны были занять нѣкоторое время ночи.

¹⁾ Мишна, *De Synedriis*, IV, 1.

законъ, противопоставляющій уголовное судопроизводство гражданскому. Онъ до такой степени разителенъ, что мы рѣшаемся привести здѣсь его сполна, хотя собственно для насъ важны только заключительныя слова параграфа:

„Гражданское и уголовное судопроизводства подчинены однимъ и тѣмъ же правиламъ относительно допросовъ и слѣдствія. Но они отличаются способомъ производства—въ слѣдующихъ пунктахъ. Для перваго нужны лишь три судьи, для послѣдняго—двадцать три. Въ первомъ безразлично, въ чью пользу говорятъ судьи, первыми подающіе мнѣнія; въ послѣднемъ тѣ, которые говорятъ за оправданіе, должны говорить первыми. Въ первомъ большинство одного голоса всегда достаточно: въ послѣднемъ — большинство одного голоса всегда достаточно для оправданія, но требуется большинство двухъ голосовъ для осужденія. Въ первомъ рѣшеніе (въ случаѣ ошибки) можетъ быть отмѣнено, въ какую бы сторону оно ни склонилось: въ послѣднемъ осужденіе можетъ быть отмѣнено, но оправданіе—нѣтъ. Въ первомъ ученики закона, присутствующіе въ судѣ, могутъ говорить (какъ за сѣдатели или ассистенты) и за и противъ обвиняемаго: въ послѣднемъ они могутъ говорить въ пользу обвиняемаго, но не-противъ его. Въ первомъ—судья, высказавшій свое мнѣніе, все равно за или противъ, можетъ измѣнить его: въ послѣднемъ — тотъ, кто подалъ голосъ за обвиненіе, можетъ измѣнить мнѣніе, но тотъ, кто подалъ голосъ за оправданіе, — нѣтъ. *Первое (гражданское судопроизводство) начинается только днемъ, но оканчивается быть можетъ и по наступленіи ночи: послѣднее (уголовное судопроизводство) начинается только днемъ, и должно быть кончаемо также днемъ. Первое можетъ кончатся оправданіемъ или осужденіемъ въ тотъ же день, въ который начато, послѣднее можетъ быть кончаемо въ тотъ же день, если произносится оправдательный приговоръ; но должно быть отсрочиваемо до слѣдующаго дня въ случаѣ, если должно кончиться осужденіемъ. И по этой причинѣ уголовное судопроизводство не можетъ быть начинаемо наканунѣ субботы или праздника.*

Распятіе Іисуса произошло (въ этомъ едва-ли было когда нибудь сомнѣніе) въ пятницу—наканунѣ субботы, которая была вдобавокъ великимъ днемъ (Іоан. XIX, 39), а засѣданіе совѣта происходило въ ту же пятницу утромъ¹⁾. Подобное засѣданіе въ такой день было

¹⁾ Так. обр. въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи мы избѣгаемъ крайне труднаго вопроса, на 14 или 15 нисана падала пятница и въ какой день этой не-

запрещено. Если оно открывалось лишь для произнесения оправдательного приговора, оно было законно. Но если судъ не могъ сразу оправдать подсудимаго, то былъ обязанъ отсрочить, по крайней мѣрѣ, на 24 часа засѣданіе для произнесения окончательнаго приговора. Окончательное засѣданіе не могло также происходить въ субботу. Необходимость отсрочки уголовного суда для обезопасенія правъ обвиняемаго очень ясно показана въ подробныхъ предписаніяхъ Мишны ¹⁾.

„Если человѣкъ оказывается невиннымъ, судъ оправдываетъ его. Въ противномъ случаѣ приговоръ надъ нимъ откладывается на слѣдующій день. Между тѣмъ судьи собираются вмѣстѣ и, вкушая немного мяса по весь этотъ день не употребляя вина, совѣщаются о дѣлѣ ²⁾. На слѣдующее утро они возвращаются въ присутствіе“ и опять подають голоса, съ такими же предосторожностями, какъ и прежде... Если наконецъ приговоръ произнесенъ, они выводятъ приговореннаго для побіенія камнями. Мѣсто казни должно быть отдѣльно отъ суда (ибо въ Левит. XXIV, 14 сказано: „*зыееди злословишаго (имя Господне) вонъ изъ стана*“) Въ это время одинъ служитель правосудія долженъ стоять у двери суда съ платкомъ въ рукѣ; другой верхомъ слѣдуетъ за шествіемъ на казнь, но оставливается на самомъ дальнемъ пунктѣ, съ котораго онъ еще можетъ видѣть человѣка съ платкомъ. Судьи продолжаютъ сидѣть, и если кто нибудь беретъ доказать, что осужденный невиненъ, то стоящій у дверей машетъ платкомъ, а верховой въ тотъ же мигъ скачетъ за осужденнымъ и призываетъ его защищаться опять“.

Эти предписанія, взятые не изъ комментарія на устный законъ, но изъ самой Мишны, вѣроятно существовали во всей подробности въ первосвященничестве Каиафы. Нѣтъ основанія сомнѣваться, что, по крайней мѣрѣ, общее правило, предписывающее отсрочивать окончаніе судопроизводства до другаго дня, было обязательно для судей

дѣли вкушали пасхальнаго агнца. Если пятница падала на 15-е, то она была пасхой или праздникомъ, когда законъ вовсе запрещалъ судить. — *Мишна, Moed Katon, V, 2.*

¹⁾ Мишна, De Synedriis, V, 5 п VI. 1.

²⁾ „Beatus iudex qui fermentat iudicium suam: Блаженъ судья, который даетъ своему приговору время перебродиться. Гемара на мишну, De Synedriis, с. 1.

Иисуса Назарянина. Ни въ какомъ случаѣ это правило не было такъ безусловно обязательно для правосудія, какъ въ настоящемъ, когда Обвиняемый, взятый подъ стражу по наступленіи ночи, былъ на разсвѣтѣ дня поставленъ на судъ, не имѣя ни малѣйшей возможности представить свидѣтелей для своей защиты. Гемара называетъ *жестокостью* ускореніе дня смерти обвиняемаго ¹⁾; здѣсь эта жестокость перешла въ явное неправосудіе, такъ какъ дѣйствительный судъ, начатый вопреки закону слишкомъ рано, вѣроятно былъ конченъ по существу дѣла во мракѣ ночи. Это было бы нетерпимымъ нарушеніемъ права при обыкновенномъ гражданскомъ искѣ, который могъ быть заявленъ и дѣло по нему могло быть начато только днемъ, хотя, при случаѣ, оно могло продолжаться и по наступленіи ночной темноты до постановленія приговора ²⁾. Но важное уголовное дѣло—дѣло о преступленіи, несомнѣнно влекшемъ за собою смертную казнь, должно было и начаться и возобновляться или продолжаться и оканчиваться только при дневномъ свѣтѣ. А что судъ, по которому потомокъ Израиля, природный еврей, котораго зналъ весь народъ какъ „мужа сильнаго словомъ и дѣломъ“, могъ быть лишень жизни, — что такой судъ былъ начатъ и конченъ формальнымъ приговоромъ, въ промежутокъ времени между полночью и утромъ, — это было поцраніемъ какъ формъ и правилъ еврейскаго закона, такъ и основныхъ началъ правосудія. И такъ какъ Сальвадоръ ³⁾ совершенно не обращаетъ вниманія на это необычайное нарушеніе права, то намъ нѣтъ необходимости подробно разбирать защиту имъ другихъ частей этого имено-законнаго судопроизводства.

¹⁾ «Proferre diem mortis damnati nefas est (преступно ускорять день смерти осужденнаго)». Мишна, De Synedriis IV, 1. См. 8-е примѣчаніе у Кокея.

²⁾ Но и это запрещено другимъ мѣстомъ, въ трактатѣ «Nidah», и у юристовъ возникъ вопросъ объ относительномъ авторитетѣ этихъ двухъ предписаній.

³⁾ Онъ утверждаетъ, будто разбирательство дѣла и осужденіе происходили въ полномъ собраніи синедріона и прибавляетъ: «Совѣтъ собирався снова утромъ на другой или на третій день, какъ требовалъ законъ, чтобы утвердить или отмѣнить рѣшеніе». Это утвержденіе—чистый вымыселъ.

Впрочемъ не можетъ быть сомнѣнія, что въ эти несвоевременные часы, между ночью четверга и утромъ пятницы, нѣкоторые обряды судопроизводства по еврейскому закону были соблюдены. Какъ ни несправедны были судьи Христа, они все-таки были люди воспитанные въ еврейскомъ законѣ и знавшіе досконально все подробности его; они должны были чувствовать невозможнымъ для себя, нарушивъ судебную правду, нарушить вмѣстѣ и все формы суда. Иисусъ Христосъ, какъ мы видѣли, потребовалъ настоящаго формальнаго обвиненія и слѣдствія: „что спрашиваешь Меня? спроси слышавшихъ, что Я говорилъ имъ (Іоан. XVIII, 21). И до самаго конца мы не услышимъ отъ Него болѣе ни слова. Когда на требованіе гласнаго правосудія отвѣтили ночнымъ слѣдствіемъ, Обвиняемый отказался отъ участія въ немъ. Въ это время произошло многое. Члены совѣта искали свидѣтелей противъ Иисуса. Матѳеи говоритъ, что они *искали лжесвидѣтельства* (XXVI, 26). Но даже простое „исканіе“ было соблазнительною непристойностью со стороны суда. Еврейскіе судьи, какъ мы видѣли, являлись и должны были являться на судѣ по преимуществу защитниками обвиняемаго. И однимъ изъ самыхъ страшныхъ зрѣлищъ, какія когда-либо видѣлъ міръ, должно быть было заклинаніе или торжественное обращеніе къ свидѣтелямъ, пришедшимъ говорить противъ жизни Иисуса. Эта форма заклинанія или торжественнаго обращенія до сихъ поръ сохранилась цѣликомъ въ еврейскомъ законѣ ¹⁾. Обязанностью первосвященника было произнести заклинаніе предъ каждымъ свидѣтелемъ по уголовному дѣлу, и потомъ привести ихъ къ присягѣ. Кто можетъ измѣрить дѣйствіе, какое производило заклинаніе, когда было произносимо священнымъ судьей Израиля,—на людей, обязанныхъ во все время произнесенія словъ смотрѣть въ лицо обвиняемому?

„Не забудь, о свидѣтель, что иное дѣло давать показаніе въ судѣ обимуществѣ и иное—въ судѣ, на которомъ дѣло идетъ о жизни. Въ денеж-

¹⁾ Мишна, De Synedriis, IV, 5. „Intro vocatis terrorem incutiant testibus“, — (позвавъ свидѣтелей, внушаютъ имъ страхъ) ii, 6.

ной тяжбѣ, если твое свидѣтельство будетъ неправильно, все дѣло кончается деньгами. Но если ты согрѣшишь въ судѣ, рѣшающемъ вопросъ жизни, то кровь обвиняемаго и кровь его сѣмени до скончанія вѣка вѣнятся тебѣ... Почему и Адамъ былъ созданъ одинъ — чтобы научить тебя, что если какой нибудь свидѣтель погубить одну душу изъ среды Израиля, то Писаніе признаетъ его погубившимъ весь міръ; а того, кто спасаетъ одну такую душу,—какъ бы спасшимъ міръ... Ибо человѣкъ одною печатью своего перстня можетъ сдѣлать много оттисковъ, и всѣ они будутъ точно схожи. Но Онъ, Царь царей, Онъ, Святыи и Благословенный, съ Своего образа перваго человѣка взялъ образы всѣхъ людей, которые будутъ жить;—такъ впрочемъ, что ни одно человѣческое существо не похоже вполне на другое. Посему будемъ думать и вѣровать, что весь міръ сотворенъ для человѣка—такого, каковъ тотъ, жизнь котораго зависитъ отъ твоихъ словъ“.

Сынъ Человѣческой, жизнь котораго законъ ограждалъ такимъ страшнымъ священнодѣйствіемъ, стоялъ молча предъ свидѣтелями; и, по какой бы тамъ ни было причинѣ, ихъ свидѣтельства найдены недостаточными. Что говорить еврейскій законъ о показаніяхъ? Талмудъ дѣлать всѣ устные показанія на—

- 1) пустыя свидѣтельства,
- 2) недостаточныя или одиночныя свидѣтельства,
- 3) надлежащія свидѣтельства или (быть можетъ) показанія, которыя свидѣлствуютъ согласно между собою ¹⁾.

Показанія свидѣтелей, которыхъ первыми допрашивали въ эту ночь, кажется были устранены, какъ принадлежавшія къ первому разряду; такъ какъ „пустое свидѣтельство“ не принималось даже временно, или не записывалось до тѣхъ поръ, пока не подтвердится впоследствии. Съ другой стороны, „недостаточное свидѣтельство“ допускалось предварительно, но не имѣло силы, пока не подтверждалось другими. Къ этому среднему разряду принадлежало показаніе того свидѣтеля, который заявилъ объ изрѣченіи Іисуса относительно разрушенія и возстановленія храма. Когда же къ нему присоединился другой свидѣтель, тогда возникъ вопросъ:

¹⁾ Ibid. V, 3. 4. См. также Lightfoot's, Hor. Hebr., Марк. XIV, 56.

не возвышается ли свидѣтельство обоихъ на третью высшую степень свидѣтельства, извѣстнаго подъ именемъ „свидѣтельства людей согласныхъ между собою“. „Но, говоритъ Маркъ, употребляя точное техническое выраженіе, *свидѣтельства сіи не были достаточны* или согласны между собою ¹⁾. Безъ сомнѣнія, здѣсь было словесное разногласіе въ показаніяхъ о фактахъ. Это разногласіе, по нашимъ современнымъ понятіямъ, не могло бы имѣть важности. Маркъ передаетъ свидѣтельства того и другаго въ одномъ и томъ же предложеніи, не различая ихъ. И Маттеей дѣлаетъ тоже, мало отличаясь отъ Марка. Ни тотъ ни другой не дѣлаютъ явнаго различія между показаніями этихъ двухъ свидѣтелей. Предположимъ, что (указываемое Маркомъ) разногласіе состояло лишь въ томъ, что одинъ сказалъ словами Маттея: „*могу разрушить храмъ Божій*“ (Мѡ. XXVI, 56), а другой — „*Я разрушу этотъ храмъ*“. Но даже подобное этому разногласіе было достаточно для уничтоженія силы ихъ свидѣтельства. Въ еврейскомъ уголовномъ судопроизводствѣ „малѣйшее разногласіе въ свидѣтельскихъ показаніяхъ признавалось уничтожающимъ ихъ силу ²⁾. Простая разность въ словахъ могла иногда имѣть значеніе неопровержимаго возраженія въ умѣ даже такого судьи, какъ Каиафа. Показанія прежнихъ свидѣтелей, которыхъ евангелисты, оставляя обычную свою сдержанность, прямо называютъ „лжесвидѣтелями“ ³⁾, были вѣроятно необстоятельны и обивчивы. Что же касается послѣднихъ двухъ свидѣтелей, то вполне возможно, что разность между изложеніями ихъ показаній у этихъ двухъ евангелистовъ не словъ только касалась, а представляла существенное и важное затрудненіе, имѣвшее большое значеніе въ ходѣ дѣла.

¹⁾ Хотя Маркъ, говоря что ихъ свидѣтельства были *οὐκ ἴσαί* (XIV, 56), скорѣе разумѣетъ, что они были «недостаточны», чѣмъ что «несогласны».

²⁾ Сальвадоръ, *Institutions*, i, 373.

³⁾ Между лжесвидѣтелями, какъ и между истинными свидѣтелями, дѣлали различіе, смотря потому, намѣренно или ненамѣренно они лгали. См. у Лейтфута о талмудическомъ и техническомъ значеніи слова *лжесвидѣтель*. Ног. Hebr.; Матѡ. XXV, 60.

Здѣсь мы становимся лицомъ къ лицу съ самыми важными во всемъ изслѣдованіи вопросами: за какое преступленіе все это время судили Иисуса? По какому обвиненію и въ силу какого обвинительнаго акта стоялъ Онъ предъ синедріономъ? Доселѣ мы не имѣли въ описаніи суда никакого указанія на этотъ предметъ. Въ современномъ судопроизводствѣ такое положеніе дѣла было бы необычайно. Судить человѣка, въ особенности судомъ уголовнымъ, не указавъ напередъ преступленія за которое его судятъ, — справедливо считается нарушеніемъ права. Но объ іудейскомъ законѣ, или о древнемъ законѣ какого бы то ни было народа, мы не должны судить по нашимъ новѣйшимъ узаконеніямъ. Еврейскій законъ, какъ мы видѣли, давалъ свидѣтелямъ особенно важное значеніе. И въ древнее время обвиненіе состояло именно изъ показаній главныхъ свидѣтелей. Другого обвиненія, другого формальнаго обвинительнаго акта не было. Пока свидѣтели говорили — а говорили они всегда въ открытомъ собраніи — узникъ едва-ли признавался даже подсудимымъ. Когда они оканчивали свою рѣчь и показанія двухъ изъ нихъ оказывались согласными между собою, тогда эти показанія получали силу законнаго обвиненія, доноса, или обвинительнаго акта и вмѣстѣ съ тѣмъ служили доказательствами. Это, для насъ парадоксальное, но на дѣлѣ простое и естественное возникновеніе каждаго еврейскаго уголовного процесса, нигдѣ лучше не объясняется, какъ въ древнемъ знаменитомъ дѣлѣ Навуея израилитянина: *„объявили постъ и посадили Навуея въ главѣ народа. И выступили два негодныхъ человѣка, и стѣли противъ него, и свидѣтельствовали на него эти недобрые люди предъ народомъ и говорили: Навуею хулилъ Бога и царя и вывели его за городъ и побили его камнями и онъ умеръ“* (3 Цар. XXI, 12. 13). Съ удивительною точностію здѣсь представлены существенные пункты еврейскаго уголовного судопроизводства ¹⁾. Но въ дѣлѣ Навуея лжесвидѣтели, подученные до-

¹⁾ См. также у Иосифа рассказъ о судѣ надъ Захаріей, сыномъ Варуфа. De bello Iudaico, IV. 5. 4.

черью царя сидонскаго (3 Цар. XIV, 31), представляются употребляющими техническое названіе (poen juris) хулы. Въ судѣ надъ Іисусомъ о свидѣтеляхъ говорится ясно только то, что они доносили объ отдѣльномъ выраженіи Обвиняемаго. Какое же преступленіе хотѣли найти въ этомъ выраженіи обвинители или судьи? Два разныхъ значенія могли они придать приведенной фразѣ. По одному слова: „я разрушу храмъ сей нерукотворенный и черезъ три дня воздвигну другой нерукотворенный“ (Мар. XIV, 58) могли быть истолкованы въ смыслѣ нападенія на существующія учрежденія или въ значеніи намѣренія „разрушить законъ и пророковъ“. Весьма важное поясненіе на это мы имѣемъ въ параллельномъ обвиненіи, взведенномъ нѣсколькими мѣсяцами позже на Стефана: „мы слышали, какъ онъ говорилъ, что Іисусъ Назарей разрушитъ мѣсто сіе и перемѣнитъ обычаи, которые передалъ намъ Моисей (Дѣян. VI—14)“. При другомъ возрѣннн, въ приведенномъ изрѣченіи—и именно въ той измѣненной формѣ, какую изрѣченіе имѣетъ у Матѳея: *могу разрушить храмъ Божій (XXVI, 61)* быть можетъ хотѣли найти поводъ къ обвиненію въ надменномъ присвоеніи себѣ вышечеловѣческой силы. Такъ поняли это изрѣченіе евреи, въ первый разъ услышавшіе оное: *сей храмъ строился сорокъ шесть лѣтъ и Ты воздвигнешь его въ три дня?* (Іоан. II—20). Надо замѣтить, что эти два обвиненія, хотя и различныя, не-несовмѣстимы между собою. Развѣ не могли обвинять Его и въ покушеніи на перемѣну національныхъ учрежденій, и въ притязаніяхъ на чудотворную силу? Или, обобщая объ эти вины, мы можемъ сказать: Іисусъ былъ осужденъ окончательно за „хулу“, потому что Онъ объявилъ себя Мессіею и Сыномъ Божіимъ, усвая такимъ образомъ себѣ права, превышающія даже тѣ притязанія, которыя приписывали Ему подысканные судомъ свидѣтели. Хулу именно подразумѣвало одно изъ обвиненій—обвиненіе въ томъ, что онъ приписывалъ себѣ сверхчеловѣческую силу.. Подъ ту же категорію закона или poen juris т. е. подъ категорію хулы подведено было и другое обвиненіе. На такую мысль

наводятъ насъ свидѣтели противъ Стефана, назвавшіе „хульными словами“ (Дѣян. VI, 13) разсужденія этого діакона о переходящемъ значеніи *святаго мѣста и закона* (Дѣян. VI, 14). И по нашему мнѣнію нельзя найти никакой еврейской категоріи преступленій, подъ которую бы покушеніе—отмѣнить древнія учрежденія—могло подойти такъ естественно, какъ подъ категорію обозначавшуюся терминомъ хулы. Свидѣтели имѣли это въ виду съ самаго начала, а судьи несомнѣнно имѣли; и для насъ не излишне заняться вопросомъ: что значилъ этотъ юридическій терминъ?

Хула не есть оскорбленіе вообще, а она есть оскорбленіе, которое, какъ показываетъ самое названіе ¹⁾, направляется прямо противъ Бога. Таковъ былъ въ древности смыслъ слова „хула“ и онъ началъ снова придаваться этому слову въ новѣйшее время. Но въ странахъ Европы, управлявшихся вмѣстѣ и гражданскимъ и каноническимъ законами, хула получила вторичное и производное значеніе. Въ ихъ кодексахъ она занимаетъ первое мѣсто при перечисленіи преступленій, составляющихъ измѣну противъ Божества, предшествуя даже измѣнѣ противъ государства. И это—*crimen laesae majestatis divinae* (преступленіе оскорбленія Божественнаго величія), подобно преступленію измѣны противъ земныхъ правителей, часто на практикѣ получало слишкомъ уже широкое приложение. Мы не будемъ изслѣдовать, необходимо ли вообще для обыкновенныхъ народовъ и законодательствъ имѣть въ своихъ уложеніяхъ такое преступленіе, какъ измѣна Богу. Несомнѣнно, что въ еврейскомъ государствѣ и законодательствѣ это было необходимо. Еврейское государство было чистою теократіей и всѣ его пророки, священники, судьи и цари были въ собственномъ смыслѣ сановниками и служителями Невидимаго Царя, откровеніемъ котораго опредѣлялись государственное устройство и законъ Израиля. При такомъ государственномъ устройствѣ хула или словесное отрѣченіе отъ Бога была въ прямомъ—собственномъ смыслѣ слова государственною

¹⁾ Еврейскія слова, обозначающія понятіе хулы, также заключаютъ въ себѣ указаніе на оскорбленіе или поношеніе словами.

измѣной; а всякое покушеніе ниспровергнуть великія учрежденія Богоправленія составляло измѣну въ производномъ, не собственномъ смыслѣ. Несомнѣнно, что это слово употреблялось въ вѣкъ Каиафы для обозначенія указанныхъ покушеній противъ божественной системы еврейской религіи.

Оставаясь на строго исторической почвѣ въ нашемъ юридическомъ разборѣ, мы должны признать, что общій ходъ ночнаго судопроизводства надъ І. Христомъ былъ предначертанъ заранѣе (т. е. еряду по воскресеніи Лазаря, а можетъ быть и раньше) руководящими членами синедріона и что они, а не свидѣтели, на самомъ дѣлѣ вели обвиненіе. Въ евангеліи мы имѣемъ на это рѣшительныя ¹⁾ доказательства. На неоднократныхъ засѣданіяхъ собранія, которыя въ четвертомъ евангеліи называются собраніями синедріона (Іоан. XI, 47), пресѣченіе дѣятельности, а если понадобится то и смерть Іисуса были уже рѣшены. И въ этихъ предшествовавшихъ взятію І. Христа засѣданіяхъ синедріона обсуждались не одни только Его дѣйствія, какъ пророка или противника существующихъ учреждений. Его заявленія, что Онъ есть Христосъ и даже Сынъ Божій (что давно уже признали Его ближайшіе послѣдователи),—какое бы значеніе ни соединяли съ этими таинственными заявленіями,—сильно беспокоили совѣсть евреевъ, особенно въ Іерусалимѣ. Рѣшеніе, указываемое въ четвертомъ евангеліи: „*чтобы, кто признаетъ Его за Христа, того отлучать отъ синагоги*“ (Іоан. IX, 22) собственно не отвергало справедливости этихъ заявленій. Оно, какъ полагаетъ Неандеръ, быть можетъ только предоставляло обсужденіе этихъ заявленій—единственной власти, имѣвшей право обсуждать подобные вопросы,—великому совѣту народа; и въ то же время запрещало всѣмъ частнымъ лицамъ, каковы бы ни были ихъ личныя убѣжденія, выражать эти убѣжденія публично впредь до торжественнаго приговора синедріона. Время произнесенія такого приговора наступило и легко понять, какіе беспокойные вопросы занимали умы судей въ то время, когда

¹⁾ Іоан. VII, 25, 30, 45; VIII—40; IX. 22. XI—47, 57. Мѣ XXI 23, 46 Лук. XX, 20. Мѣ. XXVI, 3 и слѣд.

они въ это раннее утро выслушивали свидѣтеля за свидѣтелемъ.

Показанія, какъ всѣ евангелисты свидѣтельствуютъ, найдены на судѣ недостаточными, можетъ быть „не относящимся къ дѣлу“ ¹⁾, во всякомъ случаѣ негодными для того, чтобы на нихъ однихъ судьи могли основать свое убѣжденіе. Правило закона на такой случай говорило ясно, что обвиняемаго тотчасъ же должно было освободить. Даже еслибы обвинительныя показанія были найдены достаточными, слѣдующій шагъ суда по правиламъ еврейскаго судопроизводства долженъ былъ состоять въ приглашеніи свидѣтелей защиты ²⁾. Но такое распоряженіе въ ночное время было бы неудобно дѣлать и пришлось бы приостановить судъ. Ни того ни другаго не сдѣлали, а сдѣлана была попытка подвергнуть Обвиняемаго перекрестному допросу. „*Что же ничего не отвечаешь, что они противъ Тебя свидѣтельствуютъ*“: вотъ подлинныя слова первосвященника, повторенныя въ двухъ евангеліяхъ (Марк. XIV, 60; Мѣ. XXVI, 62). Но Онъ молчалъ и не отвѣчалъ ничего (Марк. XIV, 61). Допросъ былъ незаконный. Нельзя представлять этого молчанія слѣдствіемъ негодованія на ошибки или на ложь обвинителей или на недобросовѣтность судей. Что обычныя права всякаго обвиняемаго еврея представлялись уму Іисуса, это мы уже видѣли. Но чтобы Онъ надѣялся какъ-либо избѣжать осужденія, или даже что Онъ желалъ избѣжать онаго при настоящемъ положеніи дѣла, на это нѣтъ никакого указанія. Всѣ повѣствованія согласно показываютъ, что Онъ уже за нѣсколько времени предсказывалъ приближеніе потрясающаго конца своего земнаго поприща. Изрѣченія, сказанныя Имъ въ предвѣушеніи этого конца въ теченіи предшествующихъ недѣль и въ особенности въ предшествующій день, извѣстны всѣмъ и обнаруживаютъ высочайшее

¹⁾ Какое именно изъ этихъ значеній имѣло неизвѣстное намъ еврейское слово, переведенное по гречески *ιση μαρτορια*—равное свидѣтельство, — трудно утвердительно сказать.

²⁾ Адвоката для защиты, извѣстнаго подъ названіемъ *Baal-rub* или *Dominus litis* (господинъ тяжбы), кажется не было. *Friedlieb, Archaeolog.* 87.

самообладаніе. Эта высота самообладанія отличаетъ Его и въ этотъ рѣшительный часъ. Неточные или злонамѣренные пересказы о томъ, что Онъ говорилъ три года тому назадъ, теперь не обращали на себя Его вниманія. Онъ пришолъ въ Иерусалимъ на смерть не по ошибкѣ; и если мы непременно желаемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, какія мысли занимали Его, когда Онъ безмолвствовалъ, то можемъ предположить, что Его занимало то зрѣлище, которое теперь было предъ Его глазами. Вотъ наконецъ собрались предъ Нимъ сыны дома израилева въ лицѣ своего верховнаго совѣта и великаго множества народа. Онъ всегда исповѣдывалъ Себя предназначеннымъ и посланнымъ на служеніе этому народу; теперь они встрѣтились въ послѣдній разъ; и всѣ вѣка прошедшей исторіи Израиля представились уму Того, Кто стоялъ здѣсь въ ожиданіи Своего приговора...

Не возможно опредѣлить въ какой именно часъ произошла великая заключительная сцена, такъ живо описанная тремя евангелистами ¹⁾. Несомнѣнно, что, частный и публичный допросы свидѣтелей должны были занять значительное время; присутствовалъ ли или нѣтъ при допросахъ „весь совѣтъ“ или одинъ отдѣлъ его членовъ, но то вполне несомнѣнно, что, пока допросы продолжались, въ засѣданіе собралось огромное число членовъ *великаго синедріона*. Членовъ этого учрежденія считалось семьдесятъ одинъ; „въ маломъ синедріонѣ“, который вѣроятно былъ комитетомъ или отдѣленіемъ, образованнымъ изъ членовъ перваго, только двадцать-три члена ²⁾. Очень возможно, что въ такой ранній часъ Каиафой было создано

¹⁾ Книжники и фарисеи, судившіе Спасителя, носили (Мѡ. XVIII, 5) особыя повязки на лбу и на рукахъ съ словами изъ закона, называвшіяся хранилищами (филактеріями). «Они читаютъ хранилища свои, пишетъ Талмудъ—(Berachoth, I, 2) отъ разсвѣта до третьяго часа», который былъ послѣднимъ срокомъ для собранія Малаго Синедріона. Между тѣмъ какъ великій Синедріонъ могъ начинать засѣданія лишь «послѣ ежедневнаго утренняго жертвоприношенія» (Маймонидъ на главу—De Sinedriis III). Евангелистъ Лука указываетъ на разсвѣтъ, какъ на время, когда дѣйствительно «великаго Синедріона» (Лук. XXII 55) на судъ.

²⁾ Мишна (De-Synodriis. i, 6) прямо говоритъ, что по закону число членовъ Синедріона было двадцать три.

„малое собраніе“ и что никакое другое вовсе не собиралось, хотя повѣствованія евангелистовъ скорѣе даютъ поводъ думать, что былъ созванъ „великій совѣтъ“, который одинъ могъ въ то время судить человѣка уголовнымъ судомъ и который одинъ только во всё времена могъ судить пророка ¹⁾. Допустимъ согласно съ образомъ выраженія евангелистовъ, что въ этомъ пунктѣ законъ былъ соблюденъ. Въ такомъ случаѣ мы можемъ представить слѣдующую картину суда. Совѣтъ засѣдалъ въ палатѣ Газитъ (Gazith). Мѣста судей были расположены полукругомъ и одна половина членовъ сидѣла по правую, а другая по лѣвую сторону отъ предсѣдателя или *Нази* (Nasi), которымъ въ настоящемъ случаѣ былъ первосвященникъ Каиафа. Около него по одну сторону сидѣлъ „отецъ суда“, по другую „мудрецъ“. Два писца сидѣли за столомъ для записыванія приговоровъ; два служителя стерегли Узника, стоявшаго прямо предъ предсѣдателемъ. Въ этой массѣ судей Каиафа и его друзья представляли сильную саддукейскую партію. Саддукеи, какъ рационалисты, не питали большой вражды къ Иисусу; ихъ отталкивало отъ Христа общее всёмъ имъ нерасположеніе признавать какое бы то ни было участіе Божественнаго промысла въ человѣческихъ дѣлахъ. Но, какъ аристократическая и оффиціальная партія, они весьма живо принимали къ сердцу то разстройство, которое религіозный энтузіазмъ обыкновенно производитъ въ обыденной жизни общества, и всегда были расположены подавлять энтузіазмъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ распространиться до опасныхъ границъ. Припомнимъ здѣсь то засѣданіе, которое первосвященники и фарисеи собрали сряду по воскресеніи Лазаря. На этомъ засѣданіи глава саддукеевъ—Каиафа сдѣлалъ свою замѣчательную ссылку на *salus populi* (на безопасность народа), какъ цѣль, стоящую выше всѣхъ правъ личности:— „вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше намъ, чтобы одинъ человекъ умеръ за людей,

¹⁾ Tribus, psedo-prophetes, sacerdos magnus, non nisi a septuaginta et unius judicum consessu judicantur. Мишна, De Synedriis, I. 5.

нежели чтобы весь народъ погибъ (Іоан. XI — 50). Ссылка была повидимому весьма основательна и свидѣтельствовала о его здоровомъ взглядѣ на характеръ и своего народа и римскихъ властей, взглядѣ широкомъ, не упускавшемъ изъ вниманія ни одного элемента, который должно было принять въ расчетъ, ни одного за исключеніемъ бытія Бога и промыслительной близости Его къ человѣку. Первосвященникъ высказывалъ тогда чуждую ненависти, холодную и спокойную рѣшимость освободиться отъ святаго Согражданина, и тогда же было рѣшено убить Іисуса (Іоан. XI. 53). Но при самомъ выполненіи этого плана т. е. во время самаго производства суда уже слышалось въ его голосѣ нѣкоторое раздраженіе. Съ другой стороны—фарисеи, составлявшіе тоже значительную часть совѣта, съ своими патріотическими и религіозными убѣжденіями по началу должны были задуматься надъ проповѣдью Іисуса и даже питать къ ней нѣкоторое сочувствіе. Но внутренняя борьба, которую они несомнѣнно испытали прежде, чѣмъ рѣшительно отвергли Его притязанія, была причиной того, что за этимъ отверженіемъ, по обыкновеннымъ законамъ человѣческой природы, послѣдовала постепенно возрастающая враждебность, переходшая къ этому времени въ самую сильную ненависть. Эти-то ревнители совѣта и начали ту необычную и шумную сцену, которою закончилось засѣданіе. Въ продолженіи послѣдняго вопроса свидѣтелей Іисусъ молчалъ; но мысль о Его притязаніи на права Мессіи и Бога, ни на минуту не оставлявшая судей, давила ихъ своею тяжестью и наконецъ они не выдержали.

Нѣкоторыя разности въ повѣствованіяхъ евангелистовъ въ этомъ пунктѣ (весьма не существенныя впрочемъ) даютъ намъ возможность представить себѣ это зрѣлище съ бѣльшею подробностію и вѣрностію исторіи. „Ты ли Христосъ, скажи намъ“ (Лук. XVII, 67), кричали судьи и неудержимымъ крикамъ толпы судей, описаннымъ въ одномъ евангеліи, положило конецъ только торжественное заклинаніе предсѣдателя, записанное въ другомъ (Мѣ. XXVI, 63). На страстные и враждебные вопросы совѣта Іисусъ сначала отвѣ-

чалъ неопредѣленнымъ выраженіемъ: *если Я скажу вамъ, вы не поверите* (Лук. XXIII, 67), давая знать имъ, что они забыли свой долгъ обсудить самыя Его права. Затѣмъ Онъ присовокупляетъ: *если же Я спрошу васъ*, (какъ Онъ сдѣлалъ это нѣсколько дней тому назадъ въ храмѣ, когда они спрашивали Его: *какою властію Ты это дѣлаешь*—Мѡ. XXI, 23), *вы не будете отвечать Мнѣ и не отпустите* (Лук. XXII, 6) вашего Узника. Замѣчаніе вполне истинное! Совѣтъ уже не могъ быть отклоненъ отъ своей цѣли, чрезъ вторичное требованіе отъ него Иисусомъ судейской честности и порядка на судѣ. Они видѣли на Его лицѣ сіяніе того не-земнаго права, которое Его уста еще нѣсколько мгновений медлили подтвердить за Собою, и съ смѣшаннымъ чувствомъ страха и ненависти, вставъ на ноги, сказали въ одинъ голосъ: *итакъ Ты Сынъ Божій?* Но вотъ, надъ этою толпой старыхъ искаженныхъ злобою лицъ, поднялся первосвященникъ Израйля, и всѣ голоса смолкли, судьи сѣли; главный сановникъ и судія святого народа, во имя Бога, которому служилъ, потребовалъ отвѣта на свое торжественное заклинаніе: *„заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ Ты ли Христосъ Сынъ Благословеннаго?* Это былъ вопросъ, рѣшенія котораго люди такъ долго ожидали! Теперь послѣдовалъ отвѣтъ: *„Я есмь Христосъ, Сынъ Божій“*; и, обратившись къ собранію сидѣвшему вокругъ Него на своихъ должностныхъ мѣстахъ, Обвиняемый прибавилъ: *„отсѣтъ вы узрите Сына человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ“* (Мѡ. XXVI, 63; Марк. XIV—61 и 62). Когда іудейскій царь объявлялъ о своемъ вступленіи на престолъ, то обыкновенно онъ становился въ храмѣ у колонны и радостный народъ израильской страны привѣтствовалъ его кликами—осанна, пѣніемъ, пальмовыми вѣтвями и звуками трубъ. И если такъ они встрѣчали обыкновеннаго царя, то какъ должны были встрѣтить царя—Мессію? Когда-же ктонибудь хулилъ имя Божіе, то по іудейскому закону всякій слышавшій хулу долженъ былъ разорвать свою одежду сверху донизу. Которымъ же изъ двухъ этихъ

способовъ встрѣтилъ народъ іудейскій исповѣданіе Іисусово? Лишь только Іисусъ засвидѣтельствовалъ свое исповѣданіе предъ столь многими свидѣтелями, какъ первосвященникъ, разодравъ одежды свои, сказалъ: „на что еще намъ свидѣтелей? Вы слышали богохульство? какъ вамъ кажется?“ Они же сказали въ отвѣтъ: Онъ Іsh Maveth повиненъ т. е. смерти (Лук. XXVI, 65—66). Они же все признали Его повиннымъ смерти (Марк. XIV—64).

Такъ произошло это великое осужденіе! Намъ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній объ очень не многихъ пунктахъ. Одинъ изъ этихъ пунктовъ касается законности заклинанія первосвященника и юридическаго употребленія, которое было сдѣлано изъ сознанія обвиняемаго ¹⁾. Талмудисты на этотъ разъ выражаются съ послѣднѣйшею опредѣленностію. „Нашъ законъ, говоритъ Маймонидъ, никого не осуждаетъ на смерть на основаніи его собственнаго признанія“. „Наше основное правило, говоритъ Бартенора, что никто не можетъ повредить себѣ тѣмъ, что онъ говоритъ на судѣ“ ²⁾. Значить предложеніе вопроса Обвиняемому было крайнимъ нарушеніемъ формъ правосудія. Однако вопросъ былъ предложенъ: *quid juris* т. е. по какому праву? Если бы заявленія, сдѣланныя Іисусомъ о своемъ мессіянскомъ достоинствѣ, дошли до Синедріона въ той же самой формѣ, но законнымъ путемъ, т. е. отъ свидѣтелей, а не отъ Него Самого, то могли ли бы они повести за собою это осужденіе? Въ отвѣтъ на это мы сперва напомнимъ уже сдѣланное различіе между хулою въ ея простомъ значеніи нечестія или оскорбленія

¹⁾ Заклинаніе, какъ понятно само собою, было равносильно приведенію обвиняемаго къ присягѣ, и, кажется, на самомъ дѣлѣ было обыкновеннымъ способомъ присяги для свидѣтелей. См. у Сельденя, главу «De Juramentis» въ его книгѣ о Синедріонѣ и другіе трактаты объ этомъ же предметѣ въ «Thesaurus» Уголино т. XXVI.

²⁾ Мишна, De Synedriis, VI, 2—примѣчаніе. Кокцей пишетъ: *Ita tenent magistri, neminem ex proprio confessione aut prophetae vaticinio esse neci dandum* (наставники заповѣдуютъ, что никого нельзя предавать смерти на основаніи его признанія или пророка на основаніи его пророчества). И даже Сальвадоръ говоритъ: «нашъ законъ никогда не осуждаетъ на основаніи одного собственнаго сознанія обвиняемаго».

Бога и хулой, какъ преступленіемъ равносильнымъ измѣнѣ противъ теократіи. Въ первомъ смыслѣ здѣсь не было хулы: слова Великаго Обвиняемаго были полны сыновней преданности Отцу ¹⁾). Поэтому намъ должно обратиться къ послѣдному смыслу слова хула и поднять трудный вопросъ: заключалась ли *измѣна* въ томъ, что іудей объявлялъ себя Мессіей—Сыномъ Божиимъ? Безъ малѣйшаго сомнѣнія заключалась, если это заявленіе было заявленіе несправедливое.

Въ такомъ случаѣ сущность преступления состояла бы въ ложности заявленій и эту-то ложность и должно было доказать и утвердить прежде судебного рѣшенія. Одно заявленіе правъ на достоинство Мессіи еще не было преступленіемъ. „Христось ли Ты“?—спрашивали евреи постоянно — и Иоанна и Иисуса и вообще всякаго преобразователя и всякаго пророка, хотя утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ считался безъ сомнѣнія самымъ смѣлымъ притязаніемъ, какое только могли заявить человѣческія уста. Въ какое отношеніе на самомъ дѣлѣ ставили тогдашніе іудеи Мессію къ ихъ Невидимому Царю и въ какомъ смыслѣ не-неизвѣстное и тому вѣку достоинство „Сына Божія“ приписывалось ожидаемому Мессіи, рѣшеніе этихъ вопросовъ не требуется нашей задачей.

Заявленіе этого двоякаго права Подеудимымъ, сдѣланное въ отвѣтъ на вопросъ великаго первосвященника, ставившаго эти два понятія во взаимную связь (*Ты ли Христось Сынъ Божій?*—Мѡ. XXVI, 63), никакъ не могло освобождать еврейское судилище отъ обязанности обсудить Его притязанія. Невѣрующій судья въ родѣ Каиафы, когда на его заклинаніе отвѣтили ему признаніемъ, долженъ былъ бы по настоящему возразить: „*какое же Ты дашь знаменіе, чтобы мы увидѣли и повѣрили Тебѣ?*“ (Іоан. VI, 30). А онъ вмѣсто того, разодравъ *одежды свои*, сказалъ: „*на что еще намъ свидѣтелей* (Марк. XIV, 63). Такой оборотъ дѣла или былъ условленъ напередъ, чтобы этимъ маневромъ

¹⁾ Къ хулѣ въ этомъ собственномъ смыслѣ относятся слѣдующее ограничительное правило Мишны: «*neho tenetur blasphemus, nisi expressit nomen*» никакого нельзя считать хульникомъ, если онъ не назвалъ имени (Іеговы). De Synedriis, VII. 5.

покончить это мнимо-законное судопроизводство, или же онъ былъ внезапнымъ вдохновеніемъ зла, когда неправедный судья не вполнѣ уже владѣлъ собою и холодные расчеты и кровожадные мысли, такъ долго тлѣвшія въ немъ, вдругъ отъ прикосновенія стоявшей предъ нимъ лицомъ къ лицу Праведности, въ смертоносномъ пороксизмѣ ринулись наружу.

Объ еврейскомъ судѣ надъ Господомъ Иисусомъ мы кончили: теперь намъ слѣдуетъ перейти къ римскому судилищу. Вотъ наши выводы изъ перваго изслѣдованія: 1. судъ начался, продолжился и какъ кажется былъ конченъ въ теченіи одной почти ночи; свидѣтели противъ Обвиняемаго были подысканы судьями, но свидѣтельскія показанія не могли быть приняты даже и такими судьями; 2. судъ начался перекрестными допросами, которыхъ еврейскій законъ не позволялъ, и окончился требованіемъ собственнаго сознанія, прямо запрещеннымъ еврейскими толкователями закона; 3. за судомъ послѣдовала двадцатью четырьмя часами раньше законнаго срока приговоръ, признававшій богохульствомъ заявленныя права на достоинство Исполнителя надеждъ Израиля. Такой судъ не имѣлъ ни формъ, ни добросовѣстности законнаго судопроизводства.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки